

ПЁТР ТКАЧЕНКО

КАКУЮ БИБЛИЮ ЧИТАЛ МИХАИЛ ШОЛОХОВ*

Литература как история

Принято считать, что роман М. А. Шолохова “Тихий Дон” ценен, прежде всего и главным образом, своей исторической правдой и фактологической достоверностью, что он является не только художественной летописью, но и источником исторических сведений. При этом предполагается и само собой разумеется, что историчность романа более важна и более драгоценна, чем собственно его художественность, образность, чем его духовно-мировоззренческая основа, вне которой постичь творение духа невозможно. Да и понятно, ведь по давней недоброй позитивистской и материалистической традиции считается, что образность, художественность – это нечто вроде украшения, некое изящество и благозвучие, и не более того. А потому это нечто необязательное. Хорошо, мол, когда оно есть, но можно вполне обойтись и без него... И всё бы ничего, если бы такое упрощённое, чисто предметное представление не было столь распространённым, не становилось на наших глазах всеохватывающим и подавляющим. Если бы оно, в конечном счёте, не искажало в общественном сознании саму природу и сущность литературы, по сути, уничтожая её бытование.

Между тем, как историчность и достоверность произведения художественного является только непременным условием для образного постижения и изображения жизни. Можно даже сказать, что там, где историк заканчивает своё дело, там художник его только начинает. Это вовсе не в укор историкам, у которых свои задачи, это особенность восприятия образности, искусства вообще. Ведь те или иные исторические сведения мы можем почерпнуть не только и необязательно из художественной литературы. Более того, из других источников мы можем почерпнуть более надёжные факты. А потому, если историчность почитается конечной целью прочтения литературы, то получается,

ТКАЧЕНКО Пётр Иванович родился 15 июня 1950 года на Кубани, в станице Старожижестеблиевской. Окончил Владикавказское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт по семинару критики. Служил в войсках, работал в журнале “Пограничник”, газете “Красная звезда”, в Военно-художественной студии писателей, главным редактором редакции художественной литературы книжно-журнального издательства “Граница”. Полковник, член Союза писателей России.

* Журнальный вариант

что литература вроде бы и ни к чему. Словно можно обойтись и без неё. . . В то время как художественность, образность дают человеку то, что никакая иная форма сознания ему дать не может. К тому же они являются основным условием интеллектуального развития человека. Ведь только через образное, духовное воззрение мы можем приблизиться к тайне человеческого бытия. Так было изначально, так остаётся всегда. И там, где в силу каких-то попущений и допущений происходило отступление от духовной природы человека, а это не однажды в истории бывало, происходило крушение цивилизаций и падение народов. Как неизбежное следствие утраты смысла существования. Потому Христос и говорит *притчами*, то есть образами и иносказаниями, что многим людям не дано знать тайны Царства Небесного, то есть смысла своего существования, без чего человек жить не может: “Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют” (Евангелие от Матфея, 13;13). “Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им” (Мф, 13; 34). То есть притчевое, иносказательное, образное мышление есть верный путь к постижению тайны человеческого бытия.

И наоборот, когда город крепкий, “великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу”, тогда уничтожается и искусство: “И гóлоса играющих на гусях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже слышно в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе” (“Откровение святого Иоанна Богослова”, 18: 22). Но это – “малое время”, на которое в мир приходит диавол и сатана, после того как он был скован на тысячу лет. Нам же важно отметить то, что с уничтожением искусства прекращается и шум жерновов, то есть всякая хозяйственная жизнь. . .

Потому “Тихий Дон” и соотносится больше с историей, что в наше позитивистское, материалистическое время духовный смысл жизни, да и самой истории оказался заслонённым иными, побочными, второстепенными явлениями и соображениями, далёкими от существа человеческого, оказался загромождён “цивилизацией”. Вот характерное, типичное суждение исследователя, влюблённого в “Тихий Дон”, составившего реестр, список героев, персонажей романа, преклонявшегося пред мудростью автора и встречавшегося с ним, Сергея Семанова: “Поражает удивительная, не имеющая подобия в классической даже литературе, историческая достоверность шолоховских описаний. Они таковы, что “Тихий Дон” является не только художественной летописью, но и историческим источником по изучению великой русской революции” (“Православный “Тихий Дон”, М., “Наш современник”, 1999). Заметим, что творение художника является, по автору, источником для изучения *революции*, а не опорой для постижения духовного смысла бытия. Так оказались перепутанными начала и концы в этом материалистическом мире.

Как видим, предпочтение отдаётся роману как историческому источнику, а не как величайшему творению человеческого духа. Его невероятная образность, духовно-мировоззренческая основа подразумевается чем-то само собой разумеющимся, не требующим объяснений. На самом же деле, именно эта основа романа, в первую очередь, требует объяснения, уяснения и постижения. Именно она осталась всерьёз не рассмотренной и, по сути, не изученной. При всём при том, что какие-то исторические аспекты М. А. Шолохов постиг намного глубже, чем собственно историческая наука. Скажем, то же Вёшенское восстание, которому в романе отдаётся столь много места. “Автор становится исследователем, – справедливо писал Ф. Бирюков, – опередившим по ряду научных откровений профессиональных историков”. В. Васильев: “Почти не нашедший своего отражения в отечественной исторической литературе, вёшенский мятеж и сегодня известен нам благодаря “Тихому Дону”, где ему отведена едва ли не четверть романа” (“Тихий Дон”. М., Военное издательство, 1995). И вовсе не случайно Вёшенское восстание остаётся не постигнутым нашей исторической наукой с такой глубиной, как это сделано М. А. Шолоховым в “Тихом Доне”. Оно изначально не соответствовало и до сих пор не соответствует тому представлению о революции и гражданской войне, которое было принято как “каноническое”, в согласии с господствовавшей официальной идеологией. И остаётся таковым вплоть до сегодняшнего дня. Ни в коем разе не хочу упрекнуть глубоких и честных исследователей. Они изучили “Тихий Дон”, насколько это было тогда возможно, исполнив свой долг.

Даже такой пронизательный и смелый критик и литературовед, как Н. Фёдоров, видевший всемирный характер революции и гражданской войны в России, писавший о том, что автор «Тихого Дона» «раньше и глубже всех осознал весь трагизм исторического бытия XX века – века всеобщего кризиса, особенно – сознания», всё-таки остаётся преимущественно на историческом, а не духовном понимании романа: «Шолохов судит с исторической точки зрения: братоубийственная война носит преходящий характер и не является отражением сущности человеческой природы» («Парадокс гения». М., «Современный писатель», 1998). В этом суждении особенно наглядно видно, как чисто «исторический» подход к «Тихому Дону» не проникает в его истинный, духовный смысл. Ведь в братоубийственной войне, наоборот, духовная природа человека сказывается и проявляется в полной мере. Да и преходяще ли братоубийство со времён Каина?.. Иначе почему герои «Тихого Дона», обеих противоборствующих сторон, называют друг друга не только политическими противниками, но и Каинами? В равной мере. Причём, не только в разговорах, но и в официальных документах (в приказе № 100, приведённом в тексте романа). Мы ещё коснёмся этого аспекта, а пока обратим внимание на то, что многие участники революционной драмы объясняли происходящее не тем или иным революционным «учением», получившим распространение, не той или иной идеологией, а именно библейскими представлениями. Скажем, И. Бунин в «Окаянных днях»: «Каин России, с радостно-безумным откровением бросивший за тридцать серебрянников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью»...

Оценка же «Тихого Дона» с точки зрения победителей или побеждённых в братоубийственной гражданской войне не может быть объективной, полной и окончательной. Так же, как не может быть объективной оценка земного бытия человеческого по логике Каина или Авеля исключительно. Не потому, что у каждого «своя правда», а потому, что то и другое не есть целое, а лишь часть его, лишь одна сторона человеческого бытия и природы человека...

Да и в «Тихом Доне» этот библейский смысл происходящего является, можно сказать, основным. Дед Гришака задаёт Григорию Мелехову отнюдь не риторический вопрос: «Бог – Он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит?» Но именно этот основной библейский смысл «Тихого Дона» остался, по сути, не объяснённым. Пётр Палиевский, считавший так же, что в «Тихом Доне» дана «как бы точка зрения самой истории», справедливо писал о том, что художественный мир М. А. Шолохова «так трудно уловим для профессионально-литературного подхода, столь распространённого» («Шолохов и Булгаков». М., ИМЛИ РАН «Наследие», 1999). Да и как могло быть иначе, если литературоведение и критика, как никакой иной вид творчества, зависимы от господствующей идеологии и от расхожих представлений, нередко ложных. Как может быть иначе, если материалистическое миропонимание, насаждаемое огнём и мечом, кажется, окончательно восторжествовало, подавляя и отбрасывая всё живое. Причём насаждаемое издавна и не только властями, а «лучшими» людьми, «прогрессистами», революционными демократами и всякого рода революционерами. Разумеется, во имя «цивилизации» и «прогресса». В литературоведении и критике высшим критерием почитался «исторический» подход. А «против антиисторизма» велась борьба на уничтожение. Хотя «историзм» этот был не что иное, как соответствие догматам официальной, господствующей идеологии.

Литературовед Л. Якименко в своё время писал о том, что «Тихий Дон» как поистине великое произведение «стал в современном литературоведении и критике одним из решающих испытаний для исследователя», так как исследователь «сталкивался с рядом сложных вопросов, рождённых взаимодействием действительности и искусства» («Вопросы литературы», № 7, 1968, «Литература и современность», М., «Художественная литература», 1969). То есть по отношению к М. А. Шолохову оценивался исследователь. Проходил «проверку» на его оценке: «свой» он или «чужой»... Получалось нечто вроде круговой поруки, когда исследователю воздавалось по его отношению к писателю, помимо, конечно, деклараций о величии его творения. Такая «методология» трагедии Григория Мелехова видела в трагедии «неверного, ошибочного выбора»: «В романе вершится суд истории над Григорием Мелеховым, суд с точки зрения победившей революции, со всеобъемлющих позиций коммунистического идеала». Надо понимать, насколько исследователь следовал поиску в «Тихом

Доне” идеологического идеала, по этому он оценивался. Но очевидно, что это был не “суд истории”, а суд тех, кто взял на себя право говорить от её имени. Да и был ли идеал “всеобъемлющ”... Как увидим далее, в “Тихом Доне” вершится не суд “истории”, а Божий Суд...

И поскольку Григорий Мелехов является безусловным выразителем народного отношения к происходившей трагедии, то и судился, по сути, народ, не желавший принимать такие “идеалы”, в которых не находилось места Богу, да и самому народу. В этом и была истинная причина трагедии, а вовсе не в том, что неразумные герои романа не понимали всех выгод следовать чуждому им “идеалу”...

И вот “цивилизация” и “прогресс”, в конце концов, восторжествовали. Но оказалось, что – ценой умаления человека, когда опять “всякая плоть извратила путь свой на земле”... Не слишком ли большая плата за такой “прогресс”?

Продолжение Раскола

Совсем иное, чем у революционеров, понимание революции и гражданской войны предстаёт со страниц “Тихого Дона” М. А. Шолохова. Иное понимание жизни вообще. Вся жизнь в романе протекает по православно-церковному, народному календарю. Всё делается непременно с Богом и крестным знаменем. Друг друга приветствуют не иначе, как с именем Божиим: “Здорово ночевали. Здорово живёте – слава Богу”. Чинно семействами идут в церковь. Солдаты становятся на молитву. От вечерни в грозу, крестьясь, спешат старухи. Даже детская припевка со Христом: “Дождик, дождик, припусти. // Мы поедем во кусты. // Богу молитца, // Христу поклонитца”. Божье имя не сходит с уст казаков, что называется, на бытовом уровне: “Царица небесная, прости меня грешницу”, “Заброди с Богом”, “Истинный Бог – правда”. Даже потом, когда шла жизнь на “сбыв”, и человека убивали не иначе, как перекрестясь...

То или иное событие, то или иное дело связывается не с днём месяца, не с числом, а с тем или иным “праздником”: “С Троицы начался луговой покос”, “На осенний мясоед назначили свадьбу”, “После Покрова стаял выпавший снег”, “Ростепель держалась до Михайлова дня”, “На второй день Рождества взломало Дон”, “До Пасхи о войне не было ни слуху, ни духу”... Крестное знамение сопровождает человека с рождения до смерти. И даже после смерти остаётся с ним... Иногда, кажется, и вовсе дежурное, по привычке вроде бы творимое, оно тем не менее присутствует с человеком постоянно.

Вот и вовсе комическая ситуация. Пантелей Прокофьевич во время сватовства совершает нечто невообразимое. Видимо, от волнения и всей значимости переживаемого момента: “Пантелей Прокофьевич хотел зачем-то перекреститься, но заскорюзлые клешнявые пальцы, сложившись в крестное знамение и поднявшись до половины следуемого пути, изменили форму; большой чёрный когтястый палец против воли хозяина нечаянно просунулся между указательным и средним, и этот бесстыдный узелок пальцев воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекменя, а оттуда извлёк схваченную за горло красноголовую бутылку”.

И – другое крестное знамение, которое осталось с казаком и после его смерти: “Григорий глянул на третью подводку. Он не угадал мёртвого, но руку с восковыми жёлтыми от табака пальцами приметил. Она свисала с саней, чертила тальний снег пальцами, перед смертью сложенными в крестное знамение”.

В разных видах сопровождает человека крестное знамение. Но совсем другая жизнь наступает, когда его не бывает, когда его забывают или когда оно перестает что-либо значить...

Это был мир, уклад жизни, складывающийся веками. И этот такой, казалось, незыблемый и прочный мир подлежал уничтожению. Уже рушился на глазах. И люди не знали и не понимали, почему это происходит. Не могли поверить в то, что такое может быть... Что предлагалось вместо него, взамен? Да, новое. Но разве лучшее и более совершенное? Нет. Предлагался мир без Бога. Но этого никак, ни при каких обстоятельствах не могли принять люди. Вот первопричина трагедии. Не сопротивляться такому безумию люди не могли. Толкователи же “Тихого Дона” зачастую представляли да и представляют

дело так, что казаки по своей отсталости не могли различить, а значит, и принять якобы благотворную “новую жизнь”.

Удивительным и невероятным, а по тем временам, кажется, и вовсе невозможным является то, что в “Тихом Доне” М. А. Шолохов приводит молитвы. Три молитвы: “Молитва от ружья”, “Молитва от боя” и “Молитва при набеге”. Казаки – второочередники с хутора Татарского – отправляются на войну, на фронт. Ночевали они на хуторе Ея. Хозяин – высокий дряхлый дед, участник турецкой войны, стал наставлять их, как надо вести себя в бою, чтобы уцелеть, остаться в живых. Для этого “надо человечью правду блюсть”. Правда же эта состояла в том, чтобы чужого на войне не брать, женщин упаси бог трогать, а ещё молитву такую знать, которая уберезёт от смерти. И старик убеждал казаков во всеильности молитвы своим опытом и примером: “Смерть за плечами, как перемётная сума, висела, и жив остался через эту молитву”.

Казаки усердно переписывали молитвы, хотя и не все из них. Привязывали их на гайтаны повыше нательных крестов: “Увезли казаки под нательными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родной земли, но смерть пятнала и тех, кто возил с собою молитвы”. Но те, кто оставался жив, нисколько не сомневались в том, что спасли их именно молитвы...

Можно понять удивление Сергея Семанова. Это действительно загадочно: как в “безбожную пятилетку” и во время новых гонений на Православие и Церковь могли быть вообще опубликованы молитвы в “Тихом Доне”: “Почему такое случилось, шолоховедами не объяснено. Полагаем, что без сил небесных тут не обошлось”. Ну, конечно же, всё в руке Божией. Только ответ на этот вопрос вовсе не обязательно ждать от “шолоховедов”, тем более от тех из них, кто просмотрел ранее и эти молитвы в романе, и вообще библейскую основу “Тихого Дона”. На него скорее могли бы ответить богословы, философы, психологи. Ведь заповеди Божии хорошо известны, никакой тайны не составляют. И весь вопрос в том, как человеку в них поверить. Что же касается до обстоятельств публикации молитв в “Тихом Доне”, то они могли быть такими. Редакторы и издатели, для которых эти молитвы ровным счётом ничего не значили, что-то вроде пережитка прошлого, могли пропустить их в качестве примера и назидания. Смотрите, мол, в какую “глупость” ещё совсем недавно верили тёмные, необразованные люди, пока свет “нового мира”, воссиявший вместе с революцией, не “вразумил” их... Хотя и при такой логике вопрос Сергея Семанова всё-таки остаётся открытым...

Как видно по всему, М. А. Шолохов основательно думал над тем, какие именно богослужебные и церковные тексты приводить в романе. Вот и молитвы приводит не какие-то расхожие, а редкие: “Пример крепкой народной памяти на указанные молитвы, обнародованные Шолоховым в “Тихом Доне”, просто потрясает. Не обнаруженные в известных науке изданиях (у Майкова и др.), они вдруг записываются в идентичном шолоховскому варианте в 1962 году. И не на Дону, а в деревне Рубцово Архангельской области от Вишняковой А. С. 1888 года рождения (см. “Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Под редакцией проф. В. П. Аникина – М., издательство МГУ, 1998, № 2394, 2397, 2399” (Владимир Васильев).

Да, конечно, нехорошо, коль простоватый, весёлый, нравственно здоровый человек Прохор Зыков, доведённый нуждой до крайности, пустил Библию на самокрутки: “Новый завет был, такая святая книжка – тоже искурил, Старый завет искурил. Мало этих заветов святые угодники написали”. Можно увидеть в этом и кощунство. Но это ещё не беда. Жизнь от этого ещё не сдвинулась со своей основы. Ведь есть дед Гришака, который хранит и знает Священное Писание, примеряет его к происходящим событиям, вразумляет людей. Беда наступает тогда, когда хранитель веры, народного духа дед Гришака, как мученик, погибает за веру. Но это свидетельствует о торжестве веры, а не о её пресечении...

Среди хуторян, как и всегда, как и везде, есть и такие, которым Бог только мешает. Скажем, такие, как Дарья: “Мне он, Бог, зараз ни к чему, он мне и так всю жизнь мешал”. Но не они определяли и определяют общую жизнь хутора, общества, народа.

В “Тихом Доне” убедительно показано то, как нехотя, что ли, но неизбежно люди отпадают от своей исконной веры. И не сами по себе, но под

воздействием внешних влияний и складывающихся обстоятельств. Казаки, уже участвуя в революционном безбожном деле, вместе с тем ещё носят кресты и считают себя верующими. Участники экспедиции Подтёлкова говорят: “Большевики – большевиками, а в Бога веруем”. А “широколицый красногвардеец” похваляется: “Я перед тем, как из Ростова выйтить, в церкву ходил и причастие примал”. Видимо, это свидетельствует о том, что люди ещё не знают, что совместить одно с другим невозможно. А, может быть, представить не могут, поверить не могут, что такое вообще может быть, когда, как великое благо и необходимость, их будут жёстко и свирепо понуждать огнём и мечом отречься от Бога. Да и как в это поверить, если это невозможно, если такого меж людьми быть не может? Но невозможное оказалось возможным. Ну, а потом уже осеняли себя крестным знаменем перед тем, как убить человека. “Врага”, разумеется.

Как бы прологом к предстоящим вскоре трагическим судьбам казаков предстаёт Страстная неделя или Великая седмица. В народе её называли ещё Страшной неделей: “В ночь на Пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь. Отсыревшая темнота давила хутор... Под мерные удары церковного колокола отбивали “двенадцать Евангелий”. Это последняя неделя Великого поста, предшествующая Пасхе, посвящённая страданиям Спасителя. Торжественное богослужение этой недели, установленное в древние времена, следует евангельской истории земной жизни Христа. Страстные Евангелия – это благовестие о страданиях и смерти Христа, выбранное из всех евангелистов и разделённое на двенадцать чтений, по числу часов ночи. Это указывает на то, что верующие должны всю ночь провести в слушании Евангелий, подобно апостолам, сопровождавшим Христа в Гефсиманский сад. Но казаки ещё не знали, что совсем скоро этот страшный путь Спасителя станет и их путём... Предстоящие трагические испытания сравниваются со страданиями Спасителя, уподобляются им. Это и есть страдания Христовы, выпавшие теперь и им.

Вовсе не случайно, что одновременно со страстным всенощным стоянием в храме параллельно М. А. Шолохов изображает и другую жизнь, незримо проходившую в хуторе. Вечером в завалухе Косой Лукешки, у которой квартировал Штокман, собирается разный люд. После долгого отсева отбираются самые недалёкие и ничтожные, человек десять казаков. Среди них “Штокман был сердцевинной, упрямо двигался он к одному ему известной цели”. Сначала резались в подкидного дурака. Потом Штокман “подсунул” книжку Некрасова, затем Никитина. А потом он “подложил” запретную, “гнусного вида беспереплётную тетрадку” – “Краткая история донского казачества”, – в которой было писано и про Пугачёва, и про Разина, и про Кондратия Булавина. “Добрались и до крайних времён”, до казачества вообще: “Доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самими казаками, нанявшимися к монархам в опричники. Заволновались, заспорили”. Так, в малом кругу казаков во главе со Штокманом зарождалась крамола, готовая поразить весь казачий мир. Ведь и одна заразная бактерия может погубить весь здоровый организм. Здесь в высшей мере примечательно то, что поводом и причиной для волнения и возмущения немногих казаков стала их собственная история, искажённая и тенденциозно изложенная, а также русская литература...

Революция в России носила все признаки *иновременного завоевания* народа и страны. Во всяком случае, была предпринята попытка такого завоевания. Отсюда, главным образом, весь трагизм происходящего. Ведь так просто духовная и культурная идентичность личности и историческая ориентация страны и народа не меняются. Ну, а как же иначе можно расценить то, что низвергалась, прежде всего, народная вера, Православие, разрушались храмы, а вместо веры с жестокостью и ослеплением насаждалась революционная “теория”. Вместо исконной веры – марксистская революционная “теория”, которая якобы могла объяснить человека. На это революционеры обычно отвечают: а кто всё это делал, сами и делали... Да нет, не так. Десятилетиями, в течение почти двух веков в культуре, в литературе, в образовании, в воспитании исподволь насаждалось революционное, каинитское сознание, которым, в конце концов, люди не могли не быть отравлены. И когда они начали бесноваться, указуют на них и говорят: так они сами... Как это происходит, как берутся люди “из среды другого народа”, описано в Библии.

Там — опыт тысячелетий жизни человечества. Потому Библия и запрещалась, что содержала этот опыт, который революционерам мешал, обнажал всю несостоятельность их “теории”.

В этом отношении примечательна и удивительна тайна Вёшенского восстания, которому в “Тихом Доне” уделено столь много внимания и места. Никакой тайны, конечно, нет. Всё убедительно представлено в своём истинном смысле в романе. Тайной она является в том смысле, что так и не стала достоянием общественного сознания, так и не постигнута историками, литераторами, толкователями революции и гражданской войны в России. . .

В самом деле, коль монархия оказалась свергнутой, государственность разрушенной, надо было как-то выходить из революционного анархизма. Здесь и стало проявляться то творчество масс, о котором революционеры столь много говорили. В казачестве родилась “формула”: “Советы без коммунистов”. То есть против советской власти казаки не выступали: “Воевать нам с вами не из чего. Мы не против Советской власти, а против коммуны. . .”. Более того, оставили Советы как форму власти, даже в обращении слово “товарищ” оставили. Даже в знаках различия попытались соединить, примирить “красное” и “белое”: на папах крестом красная и белая нашивки. Но были против идеологии, которая отрицает веру и Бога. Открыли фронт, но получили геноцид казачества: “Вёшенская — как окружная станица — стала центром восстания. После долгих споров и толков решили сохранить прежнюю структуру власти. В состав окружного исполкома выбрали наиболее уважаемых казаков, преимущественно молодых. . . Были образованы в станицах и хуторах советы, и, как ни странно, осталось в обиходе даже некогда ругательное слово “товарищ”. Был кинут и демагогический лозунг: “За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей”. Поэтому-то на папах повстанцев вместо одной нашивки или перевязки — белой — появилось две: белая на крест с красной. . .”.

Казалось бы, что это новое народное государственное творчество новая власть будет всячески поддерживать. Но она, блюдя “чистоту” революционной теории, в которой не было места народу, повела с ним жесточайшую борьбу. “Чистота” теории для неё была дорожке самого народа. . . Такое самоуправление народа революционной власти, оказывается, было не нужно, так как нарушало “чистоту” революционной теории.

Из этого естественно следует, что революционерам то действительное творчество масс, которое проявлялось в реальной жизни, было не нужно. А было нужно своё, революционное, в котором жить становилось невозможным. Вышколенный на таких представлениях Мишка Кошевой не управлять собирается, а делать совсем иное: “Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!”

Способный лишь на то, чтобы в революции и в войне найти какие-то свои личные выгоды, он, наконец, оказался у власти, не зная, что с нею делать: “Боже мой, каким же сукиным сыном был он всё это время, когда рылся в земле, не поднимая головы и по- настоящему не вслушиваясь в то, что творилось кругом. . . Злой донельзя на себя, на всё окружающее, Мишка встал из-за стола, оправил гимнастёрку, сказал, глядя в пространство, не разжимая зубов: “Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!” И показывал. И показывали такие же недалёкие люди, как он, вышколенные Штокманами.

Удивителен персонаж в “Тихом Доне” дед Гришака, дед жены Григория Мелехова Натальи. Он участвовал в турецкой кампании 1877 года. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и Георгиевскую медаль. Доживал век свой у сына Мирона. Пользовался на хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум. Неподкупную честность и хлебосольность. Дед Гришака всё время читает Библию, Евангелие. Под образами у него — стопка церковных книг. Близким это его чтение Священного Писания не вполне понятно. Сноха его, жена сына Мирона, Лукинишна так и говорит Григорию: “Живой, а кубыть трошки умом начал мешаться. Так и сидит дни-ночи напролёт Святое Писание читает. Иной раз загутарит-загутарит, да так всё непонятно, церковным языком. . .” Таким “тронутым” он кажется снохе. В хуторе же он пользовался всеобщим уважением именно “за ясный до старости ум”. Но дед Гришака хотя и жил неприметно, и “остатки жизни тратил на воспоминания”, не только читал Библию, но давал свою оценку происходящему с высоты постигнутого им в Священном Писании. Чутко улавливал перемены, происходящие в жизни,

распознавал их истинное значение, что остальным было пока неизвестно. Дед Гришака был хранителем духовной основы этой жизни. И как потом выяснится — мучеником за веру, погибая от руки ретивого революционера Мишки Кошевого, со словами Священного Писания на устах...

Григорий Мелехов зашёл проведать деда. Дед Гришака был непременно с Библией: “В горенке сидел дед Гришака, читал затрёпанное, закапанное воском, в кожаном переплёте Евангелие”. Читал же он церковные книги основательно, отмечая наиболее важное. В таких книгах никаких помет делать нельзя. А потому отмечали то или иное место воском. Потому в романе Евангелие — “закапанное воском”. Дед Гришака в народном мире, изображённом в “Тихом Доне”, занимает особое и исключительное положение. Он значимей и превышает даже священников. Вот он негодует в связи с тем, что поп плохо правит службу в храме — “никудышний служака” — и видит в этом знак и признак ослабления веры: “Беда!” А вот священник, отправляющийся на фронт, в полковые духовники, наоборот, говорит о том, что вера в народе крепнет: “Семья, знаете ли, бедный приход. Вот и еду в полковые духовники. Русский народ не может без веры. И год от года, знаете ли, вера крепнет”. Прямо противоположная оценка происходящего в действительности. Прав оказался дед Гришака. “Дед Гришака держал на коленях Библию. Из-под очков в позеленевшей медной оправе он глянул на Григория, открыл в улыбке белозубый рот:

— Служивый? Целенький? Оборонил Господь от лихой пули? Ну, слава Богу. Садись”.

И тут между ними происходит примечательный разговор о Библии. И о жизни, о происходящем в ней. Дед Гришака, который “топтал землю шестьдесят девять лет”, говорит Григорию, что ему “ить уже под сто пошло”. Смею утверждать, что этот их разговор является основным, ключевым для выяснения духовного смысла “Тихого Дона”.

Дед Гришака спрашивает Григория и сам же отвечает: “А через чего воюете? Сами не разумеете! *По Божьему указанию всё вершится*. Мирон наш через чего смерть принял? Через то, что супротив Бога шёл, народ бунтовал супротив власти. А всякая власть — от Бога. Хучь она и анчихристова, а всё одно Богом данная”. Замечу, что ранее дед Гришака говорил иначе, только о том, что эта власть антихристова...

И тогда дед Гришака начинает читать Григорию книгу пророка Иеремии — “Слово, которое изрёк Господь о Вавилоне и о земле Халдеев через Иеремию пророка”, — не сомневаясь в том, что это про наши времена Библия гласит... Приведу это место “Тихого Дона”, где цитируется книга пророка Иеремии, и ввиду его чрезвычайной важности для понимания основного смысла романа, и потому, что этого текста читатели не найдут ни в одном современном издании Библии, как, впрочем, не найдут и в дореволюционных её изданиях. И у них есть редкий случай сравнить текст книги пророка Иеремии, приведённый в “Тихом Доне” М. А. Шолоховым, с доступными им изданиями Библии. В “Тихом Доне” написано так:

— Ты не смеись, поганец! Людей на смерть водишь, супротив власти поднял. Грех великий примаешь, а зубы тут нечего скалить! Ась?... Ну, вот то-то и оно. Всё одно вас изничтожат, а заодно и нас. **Бог — он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит?** А ну, слухай, зараз прочту тебе от Еремии-пророка сказание... — Старик жёлтым пальцем перелистал жёлтые страницы Библии; замедленно, отделяя слог от слога, стал читать:

— **“Возвестите во языцех, и слышано сотворите, воздвигните знамение, возопиите, и не скрывайте, рцйте: пленен бысть Вавилон, посрамися Вил, победися Мירוдах, посрамишася изваяния его, сокрушишася кумиры их. Яко прииде нань язык от севера, той положит землю его в запустение, и не будет живяй в ней от человека даже и до скота: подвигнушася, отидоша”**... Уразумел, Гришака? С севера придут и вязы вам, вавилонщикам, посворачивают. И дале слухай: **“В тыя дни, и в то время, глаголет Господь, придут сынове Израилевы тии, и сынове Иудины вкупе ходяще и плачуще пойдут, и Господа Бога своего възыщут. Овцы погибшие быша людие мои, пастыри их совратиша их, и сотвориша сокрыти-ся по горам: с горы на холм ходиша”**.

— Это к чему же? Как понять? — спросил Григорий, плохо понимавший церковнославянский язык.

— К тому, поганец, что бегать вам, смутителям, по горам. Затем, что вы не пастыри казакам, а сами хуже бестолочи — баранов, не разумеете, что творите... Слухай даде: **“Забыша ложа своего, вси обретающи их снедаху их”**. И это в точку! Вша вас не гложет зараз?

— От вши спасенья нету, — признался Григорий.

— Вот оно и подходит в точку. Даде: **“И врази их рекоша: не пощадим их, зане согрешаиша Господу... Отыдите от среды Вавилона, и от земли Халдейски изыдите, и будете яко козлища пред овцами. Яко се аз воздвигну, и приведу на Вавилон собрания языков великих от земли полунощныя, и ополчатся нань: оттуда пленен будет, яко же стрела мужа силна искусна не возвратится праздна. И будет земля Халдейска в разграбление, вси грабители ея наполнятся, глаголет Господь: Зане веселитесь и велеречиваете, расхищающе наследие мое...”**

— Дед Григорий! Ты бы мне русским языком пересказал, а то мне непонятно, — перебил Григорий.

Но старик пожевал губами, поглядел на него отсутствующим взглядом, сказал:

— Зараз кончу, слухай: **“... Скакаете бо яко тельцы на траве, и бодосте яко же волы: Поругана бысть мати ваша зело, и посрамися родившая вас: се последняя во языцех пуста и непроходна, и суха. От гнева Господня не поживут вовек: но будет весь в запустение, и всяк ходяй сквозе Вавилон подивится, и позвиждет над всякою язвою его”**.

— Как же это понять? — снова спросил Григорий, ощущая лёгкую досаду.

Дед Гришака не отвечал, закрыл Библию и прилёг на лежанку”. (Выделено мной. — П. Т.)

Григорий, раздосадованный не только непонятными словами Библии, но и на самого деда Гришаку, вышел из горенки. И нашёл поначалу всему этому простое, расхожее объяснение: “И вот сроду люди так, — думал Григорий, выходя из горенки. — Смолоду бесуются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что ни лютей смолоду был, то больше начинает за Бога хорониться. Вот хучь бы и дед Гришака. Зубы — как у волка. Говорят, молодым, как пришёл со службы, все бабы в хуторе от него плакали, и летучие, и катучие — все были его. А зараз... Ну, уж если мне доведётся до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник”.

Тот факт, что человек к старости приходит к Богу, является, по сути, одним из доказательств бытия Божия. Перейдя море житейское, немало нагрешив, как и дед Гришака, по мнению Григория, человек обращается к Богу. Не из одного же страха и беспокойства перед конечностью человеческой жизни, пред вечностью, разумом непостижимой. Мог бы обратиться к какой-то высшей силе вообще. Но человек обращается к Богу.

И всё же потом, возвращаясь с Натальей от тётки, думал о разговоре с дедом Гришакой о таинственных, непонятных “речениях” Библии. Шли, чужие друг другу больше, чем когда бы то ни было. Наталья естественно злилась на Григория, так как ей стало известно, что на фронте он пьянствовал и гулял. Григорий принимает её упрёки, ссылаясь на то, что и “вся жизнь похитнулась”, и на то, что всё у него “помутилось в голове...”. Но вместе с тем услышанное от деда Гришаки соотносит с происходящим и с собой: “Вот и твой дед Гришака по Библии читал и говорит, что, мол, неверно мы свершили, не надо бы восставать. Батю твоего ругал”. На это Наталья сердито ответила: “Дед — он уже умом рухнул! Теперь твой черёд”. Расстроенный непониманием, Григорий говорит о своём состоянии: “Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодезе...” Эта важная сцена беседы Григория с дедом Гришакой противостоит в романе другой — гибели деда Гришаки. Он ведь читал Священное Писание не только Григорию Мелхову, но и Мишке Кошевому. Более того, Кошевому читал не только из книги пророка Иеремии, но и из книги пророка Исаии. Но тот, в отличие от Григория, не задумался над услышанным, над таинственными “речениями” Библии, а просто застрелил старика — хранителя духовной основы жизни. Застрелил потому, что этот мудрец и пророк мешал ему строить “новую” жизнь без Бога.

Но это место в “Тихом Доне” примечательно ещё одной важной особенностью. Дело в том, что текст книги пророка Иеремии, приведённый М. А. Шолоховым в романе, не совпадает с современными изданиями Библии, как, впрочем, и с дореволюционными... В музее-заповеднике М. А. Шолохова

в станции Вёшенской, как я узнал, никаких изданий Библии не оказалось. Но я нашёл издание Библии, текст которого совпадает с тем, который приведён М. А. Шолоховым в “Тихом Доне”. Нашёл в частном собрании, у одного моего доброго московского товарища. Это — “Библия сиречь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета”. Это — переиздание Библии 1666 года, вышедшее в 1751 году. Но в таком случае это уже само по себе многое изменяет в понимании “Тихого Дона” вообще.

Эта Библия вышла в год знаменитого церковного Собора 1666–1667 годов. Собор расстриг и проклял Аввакума в Успенском соборе Кремля. В 1667 году на Соборе вселенские патриархи произнесли анафему всем, кто не согласился с исправлением богослужебных книг и не принимал новую обрядность. Раскол Русской Православной Церкви и последовавший за ним раскол русского народа на две непримиримые части состоялся. Это мрачное дело продолжат цари Алексей, Фёдор, Софья, Пётр I...

Библия же эта — дореформенная. То есть та, по которой жили старообрядцы. Нет никаких оснований утверждать, что М. А. Шолохов читал именно это её издание. Он читал такую же, находящуюся в этой, старообрядческой, традиции. До Алексеевско-Никоновской “правки”, точнее, порчи церковных и богослужебных книг.

Совершенно ясно, что М. А. Шолохов в работе над “Тихим Доном” обратился именно к такой Библии вовсе не случайно. Уже самим выбором её писатель однозначно и ясно указал, какой духовной, исторической традиции в истории России он придерживается. Кроме того, тем самым, *он не просто сравнил Раскол с новой революционной катастрофой России, но показал последнюю как неизбежное продолжение Раскола*. Это, пожалуй, самый главный мировоззренческий аспект “Тихого Дона”. Подтверждений ему множество в тексте романа. Вот почему столь часто в “Тихом Доне” встречаются казаки-староверы, причём в связи с разрешением самых важных и принципиальных вопросов. Эти отстоящие друг от друга на два с половиной века трагедии — Раскол и революция — носили все признаки духовной агрессии и катастрофы.

Для такого их сопоставления и уподобления есть все основания. Ведь и феномен российского казачества оформился окончательно после Раскола, в результате его. А потому постижение революционной трагедии русского народа через трагедию казачества стало для писателя естественным.

Революционное крушение России в начале XX века является прямым следствием Раскола Русской Православной Церкви и народа в XVII веке и продолжением его. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) видел прямую взаимосвязь между двумя этими несчастьями Церкви, народа и государства: “Расколом принято называть происшедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной Церкви части верующих, получивших название старообрядцев или раскольников. Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности”. Да об этом прямо говорится в тексте “Тихого Дона”: “В угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа”.

Вот тут действительно невозможно не прийти в изумление. Как могло так произойти, как случилось, что всё это было опубликовано в столь безбожное время, при тотально господствующей атеистической идеологии?.. Видимо, потому, что революционеры состояли не из одних таких, как Мишка Кошевой, видевших в революции лишь возможность самоопределения. И не из одних таких неистовых, как Штокман, который двигался к одному ему известной “цели”. Среди революционеров было немало действительно образованных людей, хорошо знавших Библию. И они не могли не видеть и не могли не осознавать, что “Тихий Дон” — это приговор их революционному делу... Они могли не допустить его в общественное сознание. Но если публикация “Тихого Дона” всё-таки состоялась, значит, это произошло действительно по Божиему Провидению... Нам не дано постичь это своим бедным разумом. Мы можем лишь надеяться на то, что Господь вразумил самых разумных из революционеров. И поскольку Божие дело нам неведомо, мы можем предположить логику таких возможных революционеров, от которых зависело обнародование “Тихого Дона”.

Да, “Тихий Дон” М. А. Шолохова – это приговор революции, происходящему сейчас. И появление его теперь нежелательно, так как будет не мобилизовать людей, а наоборот, отвращать их от борьбы за светлое будущее. Но по самому большому человеческому, цивилизационному, историческому счёту этот писатель с Дона М. А. Шолохов, не известно откуда взявшийся, которого после всего происшедшего в России вроде и быть не должно, безусловно прав... В мировом, в библейском значении эти революции и смуты имеют именно такой смысл, какими он их изобразил... Но мы-то думаем быть не только “сегодня”, но и всегда... А потому не будем гонителями истины. То, что он сделал, уже никуда не денешь, уже не утаишь. Спрячем пока истинный смысл его писания за его истолкованием, таким, чтобы большинство людей не поняли и не догадались о том, что постиг и что явил им этот человек...

Надо хотя бы кратко назвать причины Раскола – самой большой трагедии в истории русского народа. Его характер и особенности. И его значение в нашей многотрудной истории вплоть до сегодняшнего дня, ссылаясь на обстоятельные исследования последнего времени. Всё началось с так называемого византийского соблазна, или, как ещё называют эту блажь, – византийской прелести. Возникла идея, совершенно неосуществимая, что было ясно уже при её возникновении, – объединить весь православный мир под единое государственное начало. Создать Великую Греко-Российскую восточную империю со столицей в Константинополе, возглавляемую русским царём. При этом произошла подмена русской идеи, согласно которой Москва – Третий Рим выступала хранительницей чистоты православной веры. Эта же идея объединения была истолкована чисто политически. Но для этой цели надо было унифицировать русскую и греческую церковные практики. Причём по образцу греческой. Привести в согласие с греческой обрядность и главное – произвести правку церковных и богослужебных книг.

Совершенно справедливо пишет Б. П. Кутузов, что это был форменный церковный погром: “Реформа была навязана Русской Церкви искусственно, реформа не обоснована ни богословски, ни канонически... является по сути преступлением по отношению к Русской Церкви и обществу... Для проведения церковной реформы вообще не было никаких оснований. История показала, что константинопольский престол был лишь приманкой, чтобы склонить русских к проведению церковной реформы” (“Церковная “реформа” XVII в. как идеологическая диверсия и национальная катастрофа”. Барнаул, 2008).

В результате такой “реформы” русский народ раскололся на два враждующих лагеря. Цинизм состоял в том, что людей, устоявших в своей вере, – старообрядцев – обозвали раскольниками, якобы отступившими от веры и якобы виновными в том, что народ оказался расколотым. Староверы жестоко преследовались. Церковная литература была переполнена их обличением. Критика “реформы” вплоть до 1917 года была невозможной и выставлялась, как выступление против официальной Церкви.

А. В. Пыжиков отмечает, что “в середине XIX века Россия по сути уже была расколота. Когда в конце 1840-х годов правительство отправило по стране несколько исследовательских комиссий, выяснилась ужасающая картина: миллионы русских людей не считали себя приверженцами официальной церкви и крайне враждебно относились к действующей власти. Целые губернии были охвачены раскольничьей фрондой... По сути, была выстроена вторая, параллельная Россия” (“Грани русского раскола”. М.: Концептуал, 2016).

И только полвека спустя после церковных “реформ” власть озабочилась легализацией раскола в административном отношении. Акт от 8 февраля 1716 года установил запись и двойное налоговое обложение раскольников – двойной оклад. Со времён Екатерины II государство прекращает давление на староверов. В 1800 году уже при Павле I было учреждено *единоверие*, особая форма отношений синодальной Церкви и староверов. И только в 1971 году поместный собор Русской Православной Церкви отменил клятвы, анафематствования старого обряда. Но и до сих пор в нашем научно-историческом обиходе старообрядчество выставляется как нечто маргинальное, якобы не затрагивающее основ духовной и государственной жизни, “в трудах учёных оно традиционно предстаёт в качестве некоего этнографического чулана, откуда время от времени извлекаются свидетельства далёкой старины” (А. В. Пыжиков). Даже трёхтомный энциклопедический словарь “Христианство” всё ещё, и после Собора 1971 года, пытается убедить мирян, что “старообрядчество есть

следование церковной старине в той области, которая касается не существа веры, а внешней церковной жизни, то есть всего того, что относится к церковному чину и благоукрашению, а равно и церковным обычаям” (т. 2, М.: Большая Российская Энциклопедия, 1995).

Вячеслав Козляков в книге “Царь Алексей Тишайший” пишет: “Сторонники старой веры тоже ни в чём не отличались от адептов появившегося официального Православия” (М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2018). Такая вот историческая “толерантность”, говорящая о том, что истинно верующие люди отстаивают свою веру не должны... Между тем, как честным исследователям давно было ясно: “На вопрос: кто вызвал раскол русской Церкви, кто расколол её, отвечает история и выносит в лице своих наиболее объективных исследователей старообрядчеству оправдательный приговор” (И. А. Кириллов. “Правда старой веры”, Барнаул, 2008). Книга написана в 1914 году.

Выдающийся философ, мыслитель нашего времени А. С. Панарин писал: “Церковный раскол XVII века породил опасную цивилизационную трещину в России. Настоящим хранителем цивилизационной самобытности России стала старообрядческая оппозиционная церковь. При этом любителям отождествлять самобытность с косностью и отсталостью следует сразу же напомнить: наиболее перспективные эволюционные сдвиги в России, связанные с зарождением народного предпринимательства, самоуправления, не зависящего от власти гражданского общества, твёрдого в правилах “третьего сословия”, имели своей социокультурной основой именно старообрядчество. Оно породило по-настоящему крепкие и яркие характеры: устойчивые нормы поведения, высокую мотивированность. Напротив, противоположная, сразу же ставшая политически и идеологически господствующей сторона, участвующая в расколе, дала “господскую церковь”, в которой канона и ритуала с самого начала было больше, чем подлинной веры” (“На перепутье (Новые веки)”, М.: Логос, 1999).

Этот малый экскурс в судьбу и историю старообрядчества совершенно необходим для прочтения “Тихого Дона”. Из него видно, что старообрядчество занимает центральное место в русском народном самосознании. И главное — М. А. Шолохов в революционной трагедии своего времени видел продолжение раскола, покушение на народные начала жизни. И в своём романе “Тихий Дон” он изображает, как это нестроение совершается и как человеком преодолевается. Когда уже стало ясно, что чему противостоит в этой расстроившейся жизни, когда вполне определились, кто есть кто в этой, как говорит писатель, войне против русского народа, он третью книгу “Тихого Дона”, вроде бы вдруг, начинает с эпического описания “великого раздела”, начало которого “намечалось ещё сотни лет назад... Только в 1918 году история окончательно разделила верховцев с низовцами”... Говорится о “великом разделе” между верховцами и низовцами, но соотносится этот раздел с тем расколом народа, который произошёл от раскола Церкви.

Именно казак-старовер, подводчик даёт оценку деятельности революционеров — Штокмана, Ивана Алексеевича, Мишки Кошевого. Они выехали из хутора Чеботарёва в Усть-Хопёрскую. Штокман начал разговор с подводчиком с пустяков. Но скоро перешли к главному. Казак-старовер и говорит: “Ваша власть справедливая, только вы трошки неправильно сделали...” На недоуменный вопрос Штокмана подводчик отвечает: “Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти износу не было. Дурасного народу у вас много, через это и восстание получилось”. И далее казак-старовер рассказывает, как в станице Букановской комиссар Малкин расстреливает казаков, несправедливо обращается с народом, что “этот Малкин чужими жизнями, как Бог, распоряжается”... Примечательно, что, по представлению подводчика, Малкин этот самодурствует, а такие права ему от Советской власти не даны: “Мандата, небось, нету на такие подобные дела...”

В церковной “реформе” XVII века правка богослужебных книг, “книжная справа” занимает центральное место. Б. П. Кутузов пишет, что “шла не правка книг, а их порча”. И подтверждает это конкретными текстуальными примерами. Кроме того, как неопровержимо доказано исследователями, источником, образцом для правки были не древние рукописи из Византии, а современные греческие книги, напечатанные в Париже и в Венеции. Это уже однозначно говорит о том, что эта “правка” была предпринята как духовная агрессия против Русской Православной Церкви, русской государственности

и русского народа... Потому и остаются труднообъяснимыми та жестокость, с которой эта “реформа” проводилась, и то зверство, с которым преследовались “раскольники” настоящими раскольниками и отступниками...

Есть факты поразительные в истории нашей духовности и нашей государственности. Как известно, Иерусалимским патриархом для “правки” книг в Алексеевско-Никоновскую “реформу” был рекомендован Арсений Грек. Он воспитывался в иезуитской коллегии в Риме, неоднократно переходил из Православия в латинство и обратно, принимал и магометанство, и униатство... То есть для столь важной работы, как правка церковных книг, он никак не подходил. Вокруг этого в церковных кругах шла, как видно, борьба: “Его арестовывают и отправляют в Соловецкий монастырь. В 1552 г. прибывший на Соловки Никон освобождает этого еретика и религиозного авантюриста и делает его правщиком и переводчиком богослужебных книг” (Б. П. Кутузов). Факт поразительный, говорящий о том, что эта “книжная справа” действительно была “идеологической диверсией”...

Но самое удивительное и, казалось бы, невозможное состоит в том, что аналогичная “правка” церковных и богослужебных книг в нашей истории уже была. Когда великий князь Василий III, отец первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного, предпринял правку книг, он запросил у афонских старцев прислать ему знающего человека. Был выбран Максим Грек, не знающий ни русского, ни церковно-славянского языков. То есть, опять-таки, для такой работы абсолютно неподготовленный. Два года находясь в Крыму, он готовился к этой миссии, но как оказалось, не книжной, а скорее идеологической и политической. Его келья превратилась в пристанище оппозиционеров к верховной власти. За еретическую правку книг он был осуждён двумя церковными Соборами. *Впрочем, почему-то канонизирован в наше время, к 1000-летию Крещения Руси...* Эта странная миссия Максима Грека на Руси обстоятельно показана в монографии выдающегося историка И. Я. Фроянова “Драма русской истории” (М.: Издательский дом “Парад”, 2007). В монографии также даны текстологические примеры “правки” книг Максимом Греком...

Однотипность этих миссий, этих “книжных справ” говорит сама за себя.

А потому на вопрос о том, какую Библию читал М. А. Шолохов, работая над “Тихим Доном”, следует ответить, что писатель читал настоящую Библию, не правленную в Алексеевско-Никоновскую “реформу”. Ведь даже те отрывки из книги пророка Иеремии, которые приведены в “Тихом Доне”, в сравнении с современными изданиями Библии, как и с дореволюционными, вызывает множество вопросов, свидетельствует, мягко говоря, о небрежном отношении к тексту Священного Писания.

Приведу только некоторые примеры. В современных изданиях Библии: “Возвестите и разгласите между народами и поднимите знамя”. В Библии 1666 года, текст которой совпадает с шолоховским: “воздвигните знамение”. Совершенно ясно, что это не одно и то же. В назидание поверженным вавилонцам говорится о том, что они прыгали, резвились бездумно, как телята, и бодались, как волы, вот и пришла им за это расплата, отмщение: “Скакаете яко тельцы на траве и бодосте яко же волы”. В нынешних текстах: “Прыгали от радости, как телица на траве, и ржали как боевые кони”. В первоисточнике, как видим, вовсе не телица, а телята, и откуда-то взялись боевые кони. Такая замена ничем не оправдана, так как волы – животные жертвенные...

Вот павший, разрушенный Вавилон в современных изданиях Библии: “Всякий, проходящий чрез Вавилон, изумится и посвищет на все язвы его”. Непонятно, почему всякий, увидевший развалины Вавилона, посвищет. В первоисточнике: “Всяк ходяй сквозь Вавилон подивится и позвиждет над всякою язвою его”. Позвиждет – это, видимо, – *позвиздание* – осмеяние, освистание. То есть, всякий проходящий через развалины Вавилона, освищет его, в смысле – осмеёт.

Есть и принципиальнейшие расхождения в переводах Библии, имеющие важное значение для понимания Божеского устройства мира. В ныне издаваемых переводах Библии говорится о том, что Господь *раскаялся* в том, что сотворил человека на земле: “И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём” (Бытие, 6; 6). То есть Бог якобы совершил “ошибку”, создав человека, которую потом “исправляет”, изгоняя первых людей из рая, допуская братоубийство Каином Авеля, посылая, наводя водный потоп, чтобы все, что есть на земле, лишилось жизни: “И сказал Господь:

истреблю с лица земли человека, которых Я сотворил... ибо Я раскаялся, что создал их" (Бытие, 6;7).

Но Господь не раскаивался в том, что сотворил человека на земле. Истинно верующий человек не может даже мысли допустить о том, что Бог может совершить "ошибку". Это невозможно. Он размышлял о том, как сотворить человека. Вот как в оригинале, мало чем сходном с переводами: *"И помысли Бог, яко сотвори человека на земли, и размысли"*. То есть и подумал Бог, как сотворить человека, и поразмышлял. Иными словами, Господь думает о том, как сотворить человека. Но он не раскаивается в своем творении. Господь не говорит, как именно Он создал человека, Он говорит лишь о том, что, сотворяя человека, Он хорошо подумал, а значит, таким именно человек и должен быть, каким Он его создал.

Но и сегодня православные читают о "раскаянии" Господа, допуская мысль, что Он может "ошибаться". Если допустить, что Он "ошибался", создав человека, то "можно" подвергнуть сомнению и сотворённый им мир и начать его "переделывать" по своему усмотрению... Вот где таится мировоззренческий исток "оправдания" бунта против Бога. Но Господь однозначно говорит о том, что созданный Им мир будет существовать вечно: "Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся" (Бытие, 8; 22).

Приводя в "Тихом Доне" истинный, направленный текст Священного Писания, М. А. Шолохов, понимает, знал, чем отличается дореформенный текст Библии, что это была за борьба, в результате которой такая "книжная справа" была всё-таки совершена. Знал, что это была борьба против Православия и русской государственности. Об этом однозначно свидетельствует сам текст "Тихого Дона".

Главное же состоит в том, что в "Тихом Доне" Григорий и дед Гришака оценивают происходящее в жизни как некое уклонение от правды. И истинные пути этого мира они находят в Библии. Правдой, в ней заключённой, поверяют правду своего времени. А потому их обращение к библейской мудрости и закономерно, и неизбежно. Справедливо пишет Н. В. Корниенко: "Библейский текст в романном пространстве "Тихого Дона" выступает не как архаический, а как идеальный, задающий иерархические отношения между реальным сознанием и истиной-правдой..." ("Сказано русским языком...", М.: ИМЛИ РАН, 2003).

Но было бы не вполне точным, если бы мы обращение М. А. Шолохова к Библии всецело объяснили "опытом прочтения русской революции через Библию", что было распространённым в литературе 1920-х годов. Скажем, С. Есенин: "И даже с тайной Бога веду я тайный спор". То была всё-таки в подавляющем большинстве "тема" христианства в художественном тексте, "тема" Православия. Но нельзя не заметить, что у А. Блока, у М. Шолохова, М. Булгакова – это не "тема", не взгляд с некой интеллектуальной высоты на всё, в том числе и на христианство, но само православное понимание происходящего.

Ярмо деревянное и стальное

То или иное обращение писателя к библейским текстам вообще, а в "Тихом Доне" в особенности, не является самоцельным. Оно, так или иначе, служит разрешению той или иной художественной задачи. А потому установление того, какую именно художественную и мировоззренческую задачу разрешает писатель, обращаясь к библейскому тексту, и должно быть обязанностью и целью исследователя. Факт такого обращения сам по себе мало о чём говорит, и установление его не может быть конечной целью исследования.

Примечательна в этом отношении в "Тихом Доне" личность Бунчука. Это – революционер-агитатор, но происходивший из казаков, что подчёркивалось даже его фамилией – Бунчук. Он убивает офицера Калмыкова. И это – первая жертва братоубийственной войны в романе. Когда при штабе Сиверса организовывается революционный трибунал, творивший крутой суд и расправу над захваченными пленными, он обслуживал нужды этого суда. Потом был направлен на работу в революционный трибунал при Донском ревкоме, став, по сути, палачом. Рьяно и неистово защищает он дело революции, "по необходимости физически уничтожает контрреволюционеров",

“истребляет человеческую пакость”, “грязь”. У него — хотя и нехитрая, но целая “философия” оправдания этого душегубства: “Они нас или мы их. Серёдки нету. Пленных нету. На кровь — кровью. Кто кого... Война на истребление... Убивать их надо, истреблять без пощады! Они нам пощады не дадут, да мы в ней и не нуждаемся, и их нечего миловать. К чёрту! Скребать с земли эту нечисть! И вообще — без сантиментов, раз дело идёт об участии революции”. Высшей ценностью для него становится революция.

Во время так называемого Корниловского мятежа на Петроград были двинуты казачьи части — 3-й конный корпус и Туземная дивизия — якобы на подавление рабочих волнений. Бунчук был послан в их среду для агитации, чтобы остановить во что бы то ни стало продвижение казачьих частей на Петроград.

Казачи, поведавшие много разных агитаторов, относятся к нему с доверием, так как он вроде бы свой — из казаков: “Мы слушать — слушаем, а веры им даже не даём. Чужой народ. Может, они нас под монастырь надворничать ведут — кто их знает? Откажись, а Корнилов черкесов направит — и вот опять кроворазлитие выйдет. А вот ты — наш, казак, и мы тебе веры больше даём...” Он твёрдо знал, что задержит эшелон в Нарве. Но для этого нужен был особый язык агитации, ведь это были его земляки, казаки, и “требовался иной, полузабытый, чернозёмный язык, ящериная изворотливость”. То есть Бунчук очень тщательно готовится к этой агитационной акции. Тут никаких случайностей, непредвиденностей не должно было быть. В ходе этой агитации и происходит сцена, вскрывающая истинный смысл происходящего. Причём помимо воли самого Бунчука.

Он обращается к казакам с такой речью: “В Петрограде вам делать нечего. Никаких бунтов там нет. Знаете вы, для чего вас туда посылают? Чтобы свергнуть Временное правительство... Вот! Кто вас ведёт? — царский генерал Корнилов. Для чего ему надо спихнуть Керенского? Чтобы самому сесть на его место. Смотрите, станичники! *Деревянное ярмо с вас хочут скинуть, а уж ежели наденут, так наденут стальное!*” И тут Бунчук, как видим, вроде бы вдруг, для пушей убедительности, обращается к библейской притче о деревянном и железном ярме.

Напомню смысл этой притчи, как она изложена в книге пророка Иеремии. Когда “дом Израилев” — народ отпадает от Бога, то отпадают все — и князья, и цари, и пророки, и священники: “Как вор, когда поймают его, бывает осрамлён, так осрамил себя дом Израилев: они, цари их, князья их, и священники их, и пророки их” (2: 26) “Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют лживо” (6: 13). Тогда и появляются пророки, пророчествующие от себя, ложно, которых Господь не посылал.

Попутно отмечу, что в наше время вроде бы “возвращения к вере” не было усвоено именно это библейское положение. Материалистическое сознание, не смотря на свою беспомощность и ища своего сохранения и продолжения в обществе, представило дело так, что наша земная Церковь не претерпела всеобщего отпадения от Бога и сохранилась в своей первозданности. И она сама была представлена всего лишь как общественный институт наряду с другими, а не в своём истинном значении “посредника” между Богом и человеком...

Итак, бывают пророки, которые пророчествуют ложно. Таким пророком в книге пророка Иеремии является Аняния. Он вознамерился даровать свободу пророку Иеремии, освободить его от тягот жизни, снять с него ярмо лишений и невзгод: “Тогда пророк Аняния взял ярмо с выи Иеремии пророка и сокрушил его” (28: 10). На что было слово Господне к Иеремии о том, что на самом деле сделал Аняния: Господь же сказал, что Аняния не освободил Иеремию, а, наоборот, ещё больше его закрепостил. Он снял с него ярмо деревянное, а заменил его ярмом железным: “Иди и скажи Анянии: так говорит Господь: ты сокрушил ярмо деревянное — и сделал вместо него ярмо железное” (28; 13). В этом убеждается и пророк Иеремия, говоря Анянии: “И сказал пророк Иеремия пророку Анянии: послушай, Аняния, Господь тебя не посылал, и ты обнадёживаешь народ сей ложно (28: 15). Железное ярмо — это значит неволя, “железное ярмо возложу на всех этих народов, чтоб они работали Навуходоносору, царю Вавилонскому, и они будут ему служить” (28: 14).

Обращает на себя внимание обстоятельство, наталкивающее на размышления: почему М. А. Шолохов вместо библейского ярма железного пишет о ярме стальном? Вполне возможно, что это являлось тонким намёком на то, что наступившие революционные времена являются ещё более жестокими, чем библейские, не железными, а стальными... Заменяя ярмо “железное” на “стальное” в устах революционного агитатора Бунчука, мы не знаем, какое именно значение придавал этому автор. Но у нас нет никаких оснований полагать, что это ничего не значило, что это простая описка или красивость.

Итак, притчу о библейском ярме вспоминает революционный агитатор из казаков Илья Бунчук. Он обещает освободить казаков и от ярма Корнилова, и от ярма Временного правительства. И взамен обещает им дать революционную свободу. Значит, *Бунчук в тексте “Тихого Дона” уподобляется ложному пророку Анании, которого Господь не посылал* и который, может быть, и не преднамеренно обманывает истинного пророка Иеремию. Коль Бунчук обещает казакам независимость и свободу, то есть сокрушить их ярмо, есть полные основания уподобить его лжепророку Анании. Он делает то же самое, что делал Анания, – пророчествовал ложно и напрасно обнадёживал людей...

Уподобляя революционного агитатора Бунчука ложному пророку Анании, которого Господь не посылал, М. А. Шолохов тем самым говорит о том, что революционное дело его неправедно, и вопреки обещаниям на этом варварском пути он не только не освобождает людей от ярма, то есть от несправедливости, а уготовляет им ярмо ещё более тяжкое... Его революционное дело ложно и обречено. Иного смысла из этой образной картины в “Тихом Доне” извлечь, пожалуй, невозможно. Впрочем, такова природа всякой и каждой революции в истории человеческой цивилизации. Не являясь величиной положительной и созидательной, она разрушает существующее. Иных задач и целей у неё просто нет.

И когда, выходя из задних рядов, небольшой казак, такой же коренастый, как и сам Бунчук, сказал: “А большевики, как заграбастают власть, какое ярмо на нас оденут?” – Бунчук на это ответить ничего не смог, кроме того, что ярмо надевать, мол, будет некому. Как оказалось, в условиях революционно-анархизма и беззакония охотников надеть новое “ярмо” на народ оказалось более чем достаточно.

Самое поразительное и трудно-вразумительное состоит в том, что Бунчук – сам из казаков, но “жестокость, ставшая символом революционного долга, сожгла в рабочем парне человеческое начало, погасила огонь души, превратив в обугленную головешку” (Н. Фёдь). Но в этом, пожалуй, нет ничего удивительного. Значит, он уверовал в такого бога, который берёт себе людей “из среды другого народа”. А вот почему он отрёкся от своего Бога – вот дилемма, которую уразуметь не так просто...

С первого журнального издания “Тихого Дона” до сороковых годов включительно Бунчук сопровождал чтение Ленинской статьи казакам своими “пояснениями, которые имеют ключевое значение для понимания внутреннего мира этого исключительного в общем строе романа персонажа: “Рабочие не имеют Отечества. В этих словах Маркса глубочайшая правда. Нет и не было у нас Отечества! Дышите вы своим патриотизмом! Проклятая эта земля вас вспоила и вскормила, а мы... бурьяном, полынью росли на пустырях... Нам с вами не в одно время цвести”. Эти жуткие слова “выкрикивает, словно в злобном припадке, коренной донской казак, боевой русский офицер, сын глубоко православной матери. Как же, чем же нужно было отравить его душу, чтобы он свою родную землю называл самым, кажется, страшным словом в русском языке – “проклятой” (С. Семанов).

Так как пророк Анания пророчествовал от себя, ложно, Господь удаляет его: “Посему так говорит Господь: вот я сброшу тебя с лица земли, в этом же году ты умрешь, потому что ты говорил вопреки Господу” (28: 16) “И умер пророк Анания в том же году, в седьмом месяце” (28: 17). Так же погибает и Бунчук, не назвав своей фамилии, без имени, то есть оставшись не внесённым в Книгу Бытия. Тем самым автор говорит о том, что дело его обречено.

Примечательно, что идеологическую и политическую марксистскую мотивацию поведения Бунчука, согласно которой он отрекается от Отечества и проклинает родную землю, писатель опускает в последующих изданиях романа, оставив только библейскую. Видимо, потому, что считал последнюю первопричинной, а значит более глубокой, важной и убедительной.

Революционный пророк пророчествовал ложно и напрасно обнадёживал людей так же, как и пророк Аняния, которого Господь не посылал. Об этом говорит Григорий: “Спутали нас учёные люди. Господа спутали. Стреножили жизнь и нашими руками вершат свои дела”. Об этом говорится в книге пророка Иереми: “Народ мой был, как погибшие овцы, пастыри их совратили их с пути, разогнали их по горам; скитались они с горы на холм, забыли ложе свое” (50; 6). “Господа” в устах Григория и “пастыри” в книге пророка – суть одно и то же. Из этого вовсе не следует, что М. А. Шолохов одобрял или отрицал революцию. Таким образом он говорил о том, что всякая революция есть великое бедствие для страны и народа, преодолеваемое большой духовной работой и созидательным трудом народа. Автор “Тихого Дона” сказал о том, что такой варварский, революционный способ установления справедливости есть смена одного ярма на другое, одного зла на другое, как и сказано о том в книге пророка Иереми: “Усиливаются на земле неправедно; ибо переходят от одного зла к другому, и Меня не знают, говорит Господь” (9: 3).

В “Тихом Доне” М. А. Шолохов постигает и представляет не только социальные причины революции, но и психологическую природу человека с революционным сознанием. И поскольку общественному сознанию изначально навязано исключительно положительное, “очистительное” значение революции, на эту, психологическую её природу внимание обычно не обращают. Более того, считается, что эта сторона революционного сознания не достойна серьёзного исследования. Она ведь очень даже неприглядна. Между тем, как всякий революционер обладает ярко выраженным психотипом составляющим суть его натуры. Ведь это человек, решительно выходящий из привычного круга вещей, нарушающий закон юридический и нравственный, переступающий все нормы взаимоотношений между людьми, складывающиеся веками. При достаточном преобладании такого психотипа общество погружается в психоз и, как писал И. Бунин в “Окаянных днях”, в “повальное сумасшествие”.

Такое аномальное состояние характерно для всех сторон жизни человека – мировоззренческой, нравственной, психологической и физиологической. Оно охватывает все существо человека. Известно, что революционеры в большинстве своём отличаются психопатологией и сексуальной нетрадиционностью.

В этом плане Бунчук был классическим типом революционера. Вот его посылают на работу в революционный трибунал при Донском ревкоме, на “работу” палача, “на грязную работу”, на какую “идут или дураки и звери, либо фанатики”, – расстреливать “этих гадов”. Разумеется, он полагает, что всё это ради будущих счастливых людей: “Сгрести нечисть, удобряю землю, чтоб тучней была”. Так патология “исправляла” норму...

Ну, что же, есть такой тип людей, такой психический выверт человека. Но, казалось бы, зачем к этому комплексу автор “Тихого Дона” добавляет ещё и то, что Бунчук был импотентом? Нет, без этого облик революционера-агитатора будет неполным... Более того, эта психопатология является основной для такого типа человека. Ведь неизбежно встаёт вопрос, и это видно из текста романа, что является причиной, а что следствием: эта его психопатология является следствием его палаческой “работы” или же наоборот, “работа” так травмировала его, что “за неделю он высох и почернел”, так как нет таких, кто, убивая людей, не носил... не был нравственно исцарапан... Вроде бы от такой “работы” Бунчук “опустошён”. Однако несостоявшаяся любовная сцена Бунчука и Анны говорит о том, что первопричиной является всё-таки психопатология. Анна, сама пришедшая к нему, видя его бессилие, поначалу “гневно оттолкнула его, с отвращением и брезгливостью”, полагая, что он “израсходовался раньше”, но потом приходит к выводу, что это его “выпила” такая “работа”, что таким и должен быть “чистильщик” рода человеческого, и уже по-матерински заботится о нём...

Таким же психопатологическим типом является и Максимка Грязнов, пристрастившийся к картёжной игре. Он самовольно ушёл с поля боя: “Объявился он уже в Ростове, вскорости проиграл в “очко” серебряную шашку, взятую у зарубленного им есаула, проиграл оставшуюся на руках конскую справу, шаровары, шевровые сапоги и нагишом пришёл в команду к Бунчуку. Тот его приодел, примолвил”. Здесь он и погибает: “Будто и не было на белом свете вёшенского казака Грязнова – конокрада в прошлом и горького пьянуги в недавнем вчера”. Оказывается, Максимка преступил нормы человеческой

жизни ранее – был конокрадом, потому и оказался в среде революционеров. А вновь приобретённым от ужаса происходящего было уже его пьянство.

Характерно и то, как организуются для своего дьявольского “дела” эти тины с врождённой психопатологией. Бунчук решил принять участие в экспедиции в северные округа. Кривошлыков говорит ему: “Зайди к деду Орлову, он у нас звездочёт”. Кто такой “звездочёт”? Надо полагать, тот, кто “знает” пути этого мира и отбирает для дьявольского “дела” соответствующих, пригодных для этого людей. . .

Можно сколько угодно иронизировать над трудами Григория Климова как якобы экстремистскими и даже запрещать их, отрицать связь между общественно-политическим и сексуальным поведением людей. Однако никуда не деться от того факта, что причиной библейского Потопа стало то, что “земля растлилась”, что “всякая плоть извратила путь свой на земле” (Бытие, 6:12). И это бедствие имело сексуальную основу, когда “сыны Божии”, сифиты, последователи авелеской цивилизации, стали брать в жёны “дочерей человеческих”, последователей Каина, каинитской цивилизации. То есть был нарушен изначальный порядок. А Потоп был уже только следствием этого бедствия: “Не Потоп был мировой катастрофой, а то, что ему предшествовало – между сынами Божиими и дочерьми Каина” (Е. А. Авдеенко “Тема “Каин” в современном мире”. М.: Классис, 2014). Можно сказать, что всякие потрясения, в том числе и революционные, имеют в большей мере не социальную, а психологическую причину, то, что “всякая плоть извратила путь свой на земле”... Иначе почему автор “Тихого Дона”, изображая революционное потрясение, касается и этой психологической стороны? Видимо, потому, что считал её составной частью этого катаклизма.

Анна Погоудко погибает. Илья Бунчук тоже погибает, не назвав своего имени. Этому типу людей противостоит в “Тихом Доне” Григорий Мелехов, как сказала о нём попутчица, “святой во вшивой шинели”... .

Кто же из них Каин?

Удивительно и вроде бы странно, что все противодействующие персонажи “Тихого Дона” в равной мере обращаются к библейским представлениям и обвиняют друг друга в каинитстве, называют друг друга Каинами.

Дед Гришака говорит Мишке Кошевому: “Так это ты и есть, сударик? Мишкой тебя нарекли при святом крещении? Хорош! Весь в бату пошёл! Эн-тот, бывало, за добро норовит г... заплатить, и ты стал быть таковский?” Любопытно, что дед Гришака упрекает Мишку сначала за принадлежность к роду-племени, а потом уже за то, что он в антихристовы слуги подался: “В антихристовы слуги подался? Красное звездо на шапку навесил? Это ты, сукин сын, поганец, значит, супротив наших казаков? Супротив своих-то хуторных?” Мишка Кошевой – Каин, отмеченный печатью, “красным звездо”. Но вот Бунчук предупреждает уже казаков, чтобы они не стали каинами. Таким образом, все обвиняют друг друга в каинитстве. Но так ведь не может быть, чтобы все люди были Каинами. Кто-то из них Каин, а кто-то нет.

Причём в каинитстве обвиняются люди даже в официальных документах. Приказ № 100 от 25 мая 1919 года председателя Революционного военного совета республики прямо называет Каинами казаков и предписывает чинить над ними расправу и истребление: “Пробил час расправы с Каинами... Гнёзда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены”. Председатель Революционного военного совета называет казаков изменниками потому, что они, по его мнению, предали дело революции. *Не от Бога отпали, а от революции.* Но при чём тогда тут Каин, отступивший от Бога? И главное – Господь не расправляется с Каином за убийство брата Авеля, не истребляет его, а оставляет в живых. Более того, он оберегает Каина, чтобы никто не убил его. Он накладывает на него знамение, печать: “И сказал ему Господь: посему всякий, убивающий Каина, всемерно отмстится. И положил Господь на Каина знамение, чтобы не поразил его всякий встречающий его” (Бытие, 4: 15). И тем самым каинитская цивилизация продолжилась до сего дня. Таким образом, председатель Революционного совета, призывающий истребить Каинов, то есть поступающий вопреки Господу, и есть Каин. Но чтобы никто не догадался о том, что он и есть Каин, он обвиняет в каинитстве других. . .

Революционер не может никого обвинять в каинитстве. Не может потому, что Каин — это отступивший от Бога, как и сам революционер. Скорее они заодно. Но если он это делает, значит, он лукавит, обманывает. Значит, его обвинение просто агитационно направлено на людей, чтобы они всех в угоду революционеру посчитали Каинами и повели с ними борьбу на истребление.

И мы видим, что Мишке Кошевому крепко запомнились слова: “Гнёзда бесчестных изменников должны быть разорены, Каины должны быть истреблены”. И он действует согласно этому лукавому приказу: “Рубил безжалостно! И не только рубил, но и “красного кочета” пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах. А когда, ломая плетни горящих базов, на проулки с рёвом выбегали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовки”.

Откуда такая жестокость и беспощадность? Казалось бы, быки и коровы здесь при чём? Жестокость оттого, что действует он не только согласно этому приказу, но и согласно писанному в книге пророка Иеремии: “Убивайте всех волов её, пусть идут на заклятие: горе им”.

Ясно, что всякое обращение революционеров к библейской аргументации, поминание каинитства для мотивации своих действий и в своё оправдание является лукавым и ложным. Но ведь чрезвычайно важно то, почему они, бунтующие против Бога, прибегают к библейской аргументации. Видимо, не только для преднамеренного обмана людей, остающихся ещё верующими, но и потому, что их социальная догматика о том, что в результате революции устанавливается справедливость, не могла объяснить происходящее и была очень уж неубедительной. В результате крушения государственности, духовного насилия над человеком, разбушевавшегося беззакония из бездны поднялась такая стихия, которую охватить бедным человеческим разумом было уже невозможно. Тут были уже бессильны какие бы то ни было “теории” и “учения”. Люди воевали, уже не зная того, почему и зачем они воюют... Об этом говорит дед Гришака в беседе с Григорием. Были забыты причины войны. Это извечное состояние людей, восходящее к библейскому положению: “За что Каин убил Авеля? Или: почему Каин убил Авеля? Ни за что, без мотива, без причины. “Потому что дела его были лукавы, а дела брата его праведны (Ин. 3:12) Каин ни за что убил брата: Авель был жертва. Он не просто убил, он “восстал” и убил (Бытие 4:8), он заклал брата своего” (Е. А. Авдеенко. “Тема “Каин” в современном мире”. М.: Классис, 2014). И в этой революции люди уже не знали, почему и зачем они воюют.

Глубокий исследователь В. Ю. Катасонов, говоря о духовном смысле мировой истории, пишет о том, что человечество разделилось на две цивилизации, два полюса — Каина и Авеля — и что эти цивилизации проходят через всю историю, изначально и до сего дня: “Вся человеческая история — борьба между каинитской и сифитской (авелевой) цивилизациями. Борьба, прежде всего, духовная, но иногда переходящая в острые формы военного противостояния”.

Это была стихия труднообразимая и непонятная, захватывающая в свой губительный и беспощадный водоворот всех без исключения. И тех, кто эту стихию будил. Их, может быть, в первую очередь. Пошатнулись какие-то основы жизни. Людей охватывало порой труднообъяснимое беспокойство и тревога, “тревога беспредметная и бесцельная” (Ф. Достоевский).

Главная ошибка, что ли, если это вообще ошибка, а не нечто совсем иное, в произведениях литературы, изображающих революционную смуту, состоит в том, что авторы изображают противоборство праведных и неправедных. С одной стороны — бунтарей, зверей в человеческом облике, с другой — людей, смутой якобы не тронутых, словно это возможно. Но праведных в революционной смуте не бывает. Когда происходит несчастье отпадения от Бога, — а всякая революция это, прежде всего, бунт против Бога, — когда начинают служить “чужим богам в земле своей” (кн. пророка Даниила, 5:18), то отпадают от Бога все — и народ, и цари, и князья, и пророки и священники, как сказано в книге пророка Иеремии.

А потому все люди, живущие во времена смуты, не могут быть не поражены ею. Это и изображает М. А. Шолохов в “Тихом Доне”. Григорий Мелехов тоже поражён смутой. Он разуверился в Боге, поверил в то, что Бога вообще нет, иначе Он не допустил бы такое убийство людей. За ним будущее, он — из тех немногих, кто способен преодолеть смуту, но пока он уверен совсем в ином:

“Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрёт”. Потому что все пока одинаково не праведны. Казак, конвоировавший пленных красноармейцев, говорит: “Всё одно из нас праведников не получится”. Именно поэтому революционная смута и не может быть постигнута с точки зрения той или иной из противоборствующих сторон. Она постигается только с точки зрения Божеского устройства мира.

Н. В. Корниенко совершенно справедливо пишет о том, что истина-правда в “Тихом Доне”, которую задаёт библейский текст, соотносённая с реальным сознанием, “не отдаётся ни одному из их героев-идеологов”. Да, внешне автор вроде бы не отдаёт правду-истину ни одному из героев. Ведь все они, вступившие в братоубийственную войну, – Каины. Декларативно – да, “никому не отдаётся предпочтения”.

Но образное представление имеет другой смысл. Ведь те герои романа, кто уничтожает Каинов и являются Каинами, отступившими от Бога, так как Каина Господь не только не убивает, но и охраняет... С Каинами в романе борются Троцкий (приказ № 100) и Мишка Кошевой, неистово исполняющий этот приказ.

В “Тихом Доне” изображается не только то, кто, в конце концов, победил, но и то, кто оказался духовно и морально прав. Победители не всегда оказываются правыми, тем более в такой войне, как гражданская. Ведь сама военная победа ещё не является торжеством правды. Правда будет устанавливаться потом, долго и мучительно, после победы военной.

Читатели часто задаются вопросом о том, что может быть с Григорием дальше? В то время как его духовный и нравственный облик к концу романа вполне ясен. Он остаётся с правдой народной и Божеской, насколько в такое время это было возможно: “Святой во швивой шинели”.

Мне же кажется, что важнее задаться вопросом, о том, что будет с Мишкой Кошевым и такими, как он, неистовыми революционерами? То ли он изменится под напором восстанавливающейся жизни, разрушенной войной и беззакониями. То ли будет сметён, как мешающий её восстановлению...

“Отверженное серебро”

Но если борьба за свой образ мира между праведными и неправедными неустранима, значит, она должна вестись по логике и представлениям Бунчука – или мы их, или они нас, пленных нет? Значит, одни должны быть непременно убиты, а другие остаться? Но ведь это представление человека с пошатнувшейся душой, ставшего служить чужим богам в родной земле. Разве оно может быть преобладающим и всё определяющим? Есть иное, противоположное, Божеское устройство. Ведь Бог и Каина не только не убивает, но и “охраняет” его, возложив для отличия на него знамение, печать.

Пророк Иеремия с недоумением вопрошает Господа: почему путь нечестивых благополучен и почему неправедное и вероломное благоденствует? А я – пред лицом Твоим, Ты меня знаешь и постоянно испытываешь сердце мое: “Почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?” (12: 1). “А меня, Господи, Ты знаешь, видишь меня и испытываешь сердце мое, каково оно к Тебе” (12: 3). И просит Иеремия Господа: “Отдели их, как овец на заклание, и приготовь их на день убиения”, то есть просит о том, чтобы Он уничтожил неправедных и чтобы остались на земле одни праведные. Господь соглашается с ним, – да, действительно, они упорные отступники, живут клеветой, предались корысти и всё развратили. И называет их медью и железом. Но вместе с тем говорит, что отделить их невозможно. Плавильщик плавил, но злые не отделились: “Все они – упорные отступники, живут клеветой; это – медь и железо, – всё они развратили. Раздуваемый мех обгорел, свинец истлел от огня: плавильщик плавил напрасно; ибо злые не отделились; Отверженным серебром назовут их; ибо Господь отверг их” (6: 28, 29, 30).

Но это не значит, что их, злых, живущих неправедно, надо уничтожить. Они остаются в жизни, но при этом их называют “отверженным серебром”, то есть отвергнутых Господом.

Вот Божеское устройство – остаются все, никто никого не убивает. Остаётся и Каин, и “отверженное серебро”. Это только Мишка Кошевой и Бунчук уничтожают тех, кто видит иным, чем они, устройство этого мира, который не укладывается в их до предела упрощённые и даже примитивные догмы.

Григорию понятны такие люди, как Кошевой и Листницкий, которым “с самого начала всё было ясно”, “у них у обоих свои прямые дороги, свои концы”... Даже брат Петро был понятен, хотя дороги их “растекались врозь”: “Гнула Григория война, высасывала с лица румянец, красила его жёлтой желчью, не чаял конца войны дожидаться, а Петро быстро и гладко шёл в гору... Сама жизнь улыбалась Петру, а война радовала потому, что открыла перспективы необыкновенные: ему ли, простому казаку, с мальства крутившему хвосты быкам, было думать об офицерстве и иной сладкой жизни?”

Петро ведь по своему уровню не мог понять и поверить в то, что *он только потому и допущен к бывлой “сладкой жизни”, что она больше уже не существует*. Но он об этом пока не знает.

В высшей мере показательно, что М. А. Шолохов в “Тихом Доне” не изображает смертное столкновение кровных братьев. Наоборот, Петро при прощании вручает Григорию молитву: “При прощании Петро сунул брату в руки сложенный вчетверо лист бумаги.

– Что это? – спросил Григорий.

– Молитву тебе списал. Ты возьми.

– Помогает?

– Ты не смейся, Григорий.

– Я не смеюсь.

– Ну, прощай, брат. Бывай здоров. Ты не вылётывай вперёд других, а то горячих смерть метит! Берегись там! – кричал Петро.

– А молитва?

Петро махнул рукой”.

Братоубийство – дело не Божеское, а человеческое. Господь говорит: “Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу со всякого зверя, взыщу так же душу человека от руки человека, от руки брата его” (Бытие, 9; 5). От руки человека, а не от Бога... И далее: “Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольётся рукою человека; ибо человек создан по образу Божию” (9; 6). Непросто уразуметь это библейское положение, настолько оно многозначно. Нам же понятно из него то, что братоубийство – дело человеческое, а не Божеское. Есть в этой жизни последователи Авеля, а есть последователи Каина – “отверженное серебро”, от которого никуда не вернуться, вместе с которым приходится жить.

“Что же вы будете делать после всего этого?”

Современность и даже злободневность “Тихого Дона” обусловлена тем, что изображённое в нём в иной, конечно, форме продолжилось и в наше время. Библейская притча о ярме деревянном и железном (стальном) снова обнажилась своим неприглядным смыслом. Об этом, по сути, пишет, к примеру, Г. М. Шиманов: “На месте христианского мира выросла новая цивилизация, называющая себя либеральной, но на самом деле лишь маскирующая свою антихристианскую суть маской свободы” (“История как промысел Божий”. В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов, М.: Издательский дом “Кислород”, 2016).

Примечательно, что в канун новой, очередной, либеральной революции в России девяностых годов вроде бы вдруг вспомнился “Тихий Дон” как надежда на спасение. На страницах “Литературной газеты” произошёл знаменательный диалог выдающегося мыслителя, литератора и историка Вадима Кожина и маститого публициста Бенедикта Сарнова: “Кто виноват?” (8 марта 1989), “Россия и революция” (15 марта 1989), “Что делать?” (29 марта 1989). Это был диалог и даже столкновение традиционной патриотической мысли в лице Вадима Кожина и мысли либеральной, революционного сознания в лице Бенедикта Сарнова. Отличие этих направлений мысли, сказавшихся и на диалоге, состояло в том, что В. Кожин искал истину не в трагедии отдельных личностей, революционеров, а в трагедии народа. Был убеждён в том, что “мы о ней ещё очень мало знаем и ещё меньше в ней понимаем”. И добавил как главный аргумент: “Сейчас необходимо заново читать шолоховский “Тихий Дон”. Видимо, он полагал, что нет более необходимого и драгоценного не исторического, не социального, а человеческого документа, который во всей полноте представлял бы и выражал бы то смутное революционное и наше невнятное время, кроме “Тихого Дона”.

Б. Сарнов же оправдывал революцию как некое объективное действие, от нас не зависящее, а потому в нём нет ни преступления, ни виновных. Он, не беря в расчёт собственно трагедию народа, печалился о трагических судьбах революционеров. Задавался вопросом о том, почему их настигла столь печальная участь. Словно она могла быть иной... То есть исповедовал то наивное представление революционеров, согласно которому в огне революции должно сгореть всё плохое, а остаться только хорошее.

Тогда, в конце восьмидесятых годов, в самый канун новой революции – либеральной и криминальной – опыт “Тихого Дона” оказался невостребованным. Роман не прочитало и не перечитало *ветренное племя*. Но его спасительный опыт, несмотря ни на что, существует. Судя же по тому, что русская литература сейчас всё ещё остаётся сброшенной с “корабля современности”, вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования, нет никакой надежды на то, что “Тихий Дон” на этот раз будет прочитан, что теперь его опыт убержёт нас. И пред нами встаёт тот же самый вопрос из книги пророка Иеремии, вопрос тяжелый и страшный: “Что же вы будете делать после всего этого?..” “Изумительное и ужасное совершается на сей земле: Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?” (5; 31).

Что будем делать... То же самое, что и предтечи наши. Будем безумствовать, “восставать”, как Каины, будем мучиться и погибать в новом “очистительном” огне; жить будем...